

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

КАЗАНСКИЙ МСТИТЕЛЬ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91 Казанский мститель / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Записки придворного сыщика).

ISBN 978-5-04-225868-8

1904 год. Судебный следователь по особо важным делам Иван Федорович Воловцов отправляется в Казань для расследования серии загадочных убийств. Жертвы — чиновник, купец и штабс-капитан — застрелены из необычного оружия пулями с шестигранным донцем. У каждого из погибших были серьезные враги. Чиновник вскрыл крупные хищения на пороховом заводе; купец построил мельницу, ущемив интересы конкурентов; штабс-капитан был ярым противником набирающих силу эсеров... Следователь Воловцов прорабатывает версии. Но и убийца не сидит сложа руки. Его следующая жертва — вице-губернатор. И снова в деле фигурирует шестигранная пуля... Дело представляется запутанным, пока в поле зрения следствия не попадает человек с особыми приметами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225868-8

© Сухов Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Часть I

МЕНЯ ПРИГОВОРИЛИ

ГЛАВА 1

**Как новый год начнешь,
так его и проведешь**

Традиционно новый год в России-матушке начинается по-разному: для кого-то истовым и неистовым веселием; для иных желанным повышением в чинах и одобрением начальства; для прочих радением и чаянием о семье и детях, а также другими событиями, позволяющими судить, что новый год действительно наступил. Порой случается, что как снег на голову сваливаются очередные непредвиденные заботы, которые в истекшем году даже не предполагались. Не зря же в народе молвят: как год начнешь, так его и проживешь. Нередко так оно и протекает: для иных вздорно, для других будто бы маслом помазано. Потому что пословицы и поговорки рождаются не по прихоти какого-то одного человека, прожившего жизнь и напоследок решившего изречь нечто разумное, чтобы осталось выражение в сказаниях. А рождаются они в результате опыта поколений целого народа, точно подметившего определенную закономерность.

Год 1904-й начался для судебного следователя по особо важным делам Департамента уголовных дел

Московской судебной палаты коллежского советника¹ Ивана Воловцова как-то сумбурно и крайне беспокойно. Сначала в январе таинственно исчез судебный пристав Московской судебной палаты Владислав Сергеевич Щелкунов. Был человек, жил себе потихоньку, никому не докучал, аккуратно приходил на службу, возвращался домой в положенное время, и вдруг его не стало. А главное, следов даже никаких от него не осталось. Будто испарился он или сквозь землю провалился. Чего, как известно, с обычными гражданами не происходит. Розыск пропавшего судебного пристава был поручен Ивану Воловцову. Привычно взяв под козырек, — ну а как может быть по-другому, если поручение поступило непосредственно от самого председателя Департамента уголовных дел статского советника² Геннадия Никифоровича Радченко, — Иван Федорович с присущим ему рвением принялся пропавшего судебного пристава разыскивать. А тут еще одна беда прикатила... Мало того что Владислав Щелкунов пропал, так ведь еще куда-то запропастился и коллега-сослуживец, с которым Воловцов не единожды виделся и здоровался за руку как с человеком, заслуживающим уважения.

¹ Коллежский советник — в Табели о рангах это шестой классный чин, соответствующий армейскому полковнику.

² Статский советник — в Табели о рангах это пятый классный чин, выше армейского полковника, но ниже армейского генерал-майора.

— Ты уж, разлюбезный мой Иван Федорович, прояви рвение, — такими словами напутствовал Воловцова его начальник и друг статский советник Геннадий Радченко. — Это же, как ни крути, наш общий товарищ.

Впрочем, председатель Департамента уголовных дел Московской судебной палаты этого мог и не говорить: Воловцов обязанности судебного следователя всегда исполнял исправно, ответственно и творчески и ни времени, ни сил для достижения поставленной задачи не жалел...

Опрос многочисленных свидетелей и тщательный досмотр квартиры судебного следователя Московской судебной палаты выявили, что некий злоумышленник (кое-какие его приметы свидетели запомнили) побывал в квартире следователя и что-то там выискивал. Поскольку никаких громких дел судебный следователь Щелкунов не вел (за что его могли бы устранить, докопайся он до чего-нибудь особо опасного) и днем ранее взыскал с должника весьма значительную сумму, которую не успел сдать по своему ведомству, то следовало предположить, что злоумышленник приходил в дом следователя за этими самыми деньгами. И либо нашел их — тогда Щелкунова в живых уже видеть вряд ли придется, — либо удерживается где-то взаперти до тех пор, пока не расскажет, где спрятаны деньги. После чего такого горемыку все равно убьют.

А потом в окрестностях уездного города Дмитрова вездесущие мальчишки-огольцы обнаружили в одном из заснеженных овражков мешок. Любо-

пытство взяло верх, — а вдруг в нем деньги или какая-то теплая и качественная одежда, которую можно будет продать на толкучке и купить затем на вырученные рубли пирогов, мармеладу, шоколадных зайцев и конфет? Мешок подростки кое-как развязали — а там замерзший мужской труп. Голый. Испугались, конечно, огольцы, из овражка тотчас припустились бежать прочь, но ума им хватило сообщить о страшной находке местному уряднику. Тот немедленно доложил о находке пацанов становому приставу. И завертелось следственно-разыскное дело. Однако люди, знавшие судебного следователя Щелкунова довольно хорошо, не опознали его в найденном трупе — так смерть меняет облик людей, что и родную мать иногда не узнаешь опосля ее кончины. И тело, выдержав положенный срок, захоронили как неопознанное. Ежели бы не самолично выехавший в Дмитров коллежский советник Воловцов, то дело убиенного судебного следователя Московской судебной палаты так на корню и засохло бы. И через положенное время по решению суда после завершения делопроизводства документы были бы переданы в архив. А Иван Федорович, по настоянию которого труп был выкопан и опознал как принадлежащий следователю Владиславу Сергеевичу Щелкунову, распутал столь хитроумное дело (хотя и не сразу, уж слишком изощренно оно было задумано). Виновных — директора комиссионерской конторы Вершинина и порочную девицу по имени-фамилии Эмилия Бланк — изобличил. После завершения следствия прокурор рассмотрел

уголовное дело и утвердил суровое обвинительное заключение, по которому суд принял справедливое решение.

Затем убили начальника Московской военной тюрьмы в Лефортове, надворного советника¹ Андреева Ивана Юрьевича. Человека предельно честного, заслуженного участника Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Андреев состоял в штате московской полиции с 1885 года. А в 1890 году принял должность начальника Лефортовской военной тюрьмы, каковую с тех самых пор исполнял исправно и без каких-либо нареканий. А на второй неделе января некий молодой человек — известно было только, что был он росту выше среднего и носил жиденькую бородку клинышком, — всадил надворному советнику пять пуль из револьвера, когда тот выходил из тюремных ворот. После чего на полном ходу вскочил в проезжающую мимо пролетку и благополучно скрылся.

Разыскные действия начинал он, судебный следователь по особо важным делам Иван Воловцов. Ему удалось узнать (а пара-тройка добросовестных и толковых информаторов в любом деле — это без малого половина успеха), что убийство начальника Московской военной тюрьмы в Лефортове — дело рук участников Боевой организации партии социалистов-революционеров, которые впервые заявили о себе, убив министра внутренних дел Рос-

¹ Надворный советник — в Табели о рангах это седьмой классный чин, соответствующий армейскому подполковнику.

сийской империи Дмитрия Сергеевича Сипягина в апреле 1902 года прямо в здании Государственного Совета. Эсеры никоим образом не скрывали своего участия в террористических актах политического толка. Напротив, их агитаторы и пропагандисты на митингах или в кулуарных разговорах подчеркивали, что революционная месть за противные народу деяния может настичь всякого гражданина, будь он министр или почтовый служащий.

О том, что в деле замешаны члены партии социалистов-революционеров, Иван Воловцов доложил прокурору Судебной палаты, как того требовал «Устав уголовного судопроизводства». После чего Воловцову велено было передать дело Охранному отделению, в обязанность которого входило выявлять и обезвреживать террористов, ярых революционеров, а также их организации. Собственно, для этих целей Охранное отделение и было создано.

Иван Федорович против решения прокурора Судебной палаты не возражал. «Устав уголовного судопроизводства» и должностные правила соблюдались им неукоснительно. Как говорят в народе, кесарю — кесарево, а слесарю — слесарево. Хотя, с другой стороны, все-таки было и обидно. Это как, к примеру, вкушать себе венский шницель с картофельным салатом, получать от трапезы несказанное удовольствие, а потом вдруг приходится с кем-то поделиться, а ведь еще толком не успел даже распробовать блюдо. Этот кто-то другой съедает с аппетитом картофельный салат, прищелкивая при этом от наслаждения языком,

хвалит великолепно приготовленный шницель и при этом даже спасибо не соизволит сказать.

Так что ситуация получилась не просто обидная, а в какой-то степени оскорбительная!

Однако прокурор Судебной палаты — непосредственный начальник всем чинам департаментов палаты, и исполнение его приказов — сущность дела, а потому сомнению или какому-то обсуждению не подлежащее. А тут еще в течение без малого двух месяцев, начиная с первых чисел января и заканчивая второй половиной февраля, в губернской Казани произошли три загадочных убийства.

В последний день первой недели января 1904 года был застрелен помощник асессора Губернской казенной палаты коллежский регистратор¹ Ефим Феоктистович Кержаков. Чиновник, прямо сказать, невысокого полета, безо всякой надежды на дальнейшее продвижение и, насколько об этом стало известно в Москве, честнейший и неподкупный человек... Одиннадцатого февраля в четверг выстрелом в голову был убит Андрей Семенович Вязников, купец второй гильдии, также в порочащих связях не замеченный. А в воскресенье, двадцать первого февраля, опять-таки выстрелом в голову был застрелен Леонид Мартынович Алябьев, штабс-капитан 54-й пехотной резервной бригады, ротный командир, человек военный, к надзорным и коммерческим делам никакого отношения не имеющий.

¹ Коллежский регистратор — в Табели о рангах это последний, четырнадцатый классный чин, соответствовавший армейскому унтер-офицеру.

— Что между этими убиенными общего — совершенно непонятно. Да и есть ли что-то общее — тоже большой вопрос. Но все же кое-что объединяющее между этими тремя убийствами имеется, — пылливо глянул на Ивана Федоровича председатель Департамента уголовных дел статский советник Радченко, вызвавший Воловцова в свой кабинет.

Иван Федорович сидел через стол напротив Радченко, отмечая перемены, произошедшие в его кабинете после празднования Рождества. Вся прежняя мебель была вывезена, вместо нее теперь обстановка из темного дерева, с массивным рабочим столом, обитым черной кожей.

Сам хозяин кабинета восседал в удобном мягком кресле, обтянутом бархатом. Для посетителей — кресло, в котором сидел Воловцев, — оно поуже и без подлокотников. По обе стороны от стола возвышались громоздкие высокие книжные шкафы, заполненные юридической литературой: книгами с кодексами и сборниками законов. Позади Радченко на стене — не иначе как символы власти и статуса — закреплена карта Российской империи. Немного в сторонке и чуток пониже — портреты предшественников, символизирующие государственную власть, а также ее преемственность. В правом углу в корпусе из черного палисандра стояли напольные маятниковые часы. На столе — чернильница из серебра, из малахитового стакана торчали перьевые ручки.

В кабинете идеальная чистота, что лишь подчеркивало официальный характер работы.

— И что же? — не менее пытливо взглянул на своего непосредственного начальника Воловцов.

— Пули, — коротко ответил Геннадий Никифорович и тотчас добавил: — Они все одинаковые... Стало быть, всех троих застрелили из одного оружия. Смею предположить, что выстрелы производил один и тот же человек. — Статский советник помолчал и явно без энтузиазма произнес: — Это почти все, что в Казани узнали за два месяца ведения следственно-разыскных действий.

— Не густо. Как-то немного даже странно, что следствие не продвинулось... В Казанской губернии имеются своя Судебная палата и свой Департамент уголовных дел, — резонно заметил Иван Федорович. — И свои судебные следователи, как я слышал, весьма квалифицированные. По крайней мере, не из самых худших, что имеются в наших губернских городах. Не говоря уж о городской полиции, зарекомендовавшей себя как одна из лучших во всей империи, а еще в Казани очень влиятельный губернатор, Петр Алексеевич Полторацкий... Деятельность полиции у него всегда была в предпочтении, — добавил коллежский советник. — Таких губернаторов, как он, по всей Российской империи по пальцам можно пересчитать. При нем в Казани сохраняется порядок. Полторацкий ведь до Казанской губернии еще в Архангельске и в Уфе был губернатором. Едва ли не последний из губернаторов, которого назначил еще Александр Третий, батюшка нынешнего императора.

— Не могу с вами не согласиться, любезнейший Иван Федорович. И палата с департаментом в Казани имеются, и судебные следователи там не самые худшие, и результаты у полиции, согласно отчетам Казанского городского полицейского управления, весьма впечатляющие, все это так, — политично заметил статский советник Радченко. — По поводу Полторацкого могу сказать следующее... Я ведь с ним лично знаком. Производит Петр Алексеевич самое благоприятное впечатление. Деятелен, умен... Он ведь в Министерстве внутренних дел долго служил. Занимался охраной общественного порядка и осуществлял отечественную политику в сфере внутренних дел. В этих начинаниях у него грандиозные успехи! Собственно, за них Александр Второй и назначил его потом новгородским вице-губернатором. Нынешнее время не простое, все меняется... Поэтому я вам не могу сказать, насколько долго продержится губернатор Полторацкий. У меня имеются сообщения, что в ближайшее время Петра Алексеевича могут отстранить от губернаторства... К чему это я вам говорю? Вам, стало быть, надлежит выехать в Казань и разобраться на месте, что именно там происходит. Без излишней спешки, досконально и аккуратно, как вы это умеете. Распоряжение это, сами понимаете, не мое, а самого генерал-прокурора. Когда прибудете в Казань, будьте осторожны, в связи с отстранением губернатора от должности может все очень сильно поменяться. Не удивлюсь, если вам придется рассчитывать на собственные силы.

— Мне не впервой, Геннадий Никифорович. Всяко бывало!

— Мне это известно. Хотелось бы, чтобы вы сумели раскрыть все три преступления, куда следы совсем не остыли. Полномочий у вас выше колокольни Ивана Великого! — поднял глаза кверху Геннадий Никифорович. — Главное, сумейте правильно ими распорядиться. Ну и не переборщите там...

Судебный пристав по особо важным делам Иван Федорович Воловцов укоризненно глянул на начальника Департамента уголовных дел и произнес:

— Геннадий Никифорович, когда это случилось, чтобы я перебарщивал с приданными мне полномочиями? К тому же соблюдение законных действий одна из наипервейших задач судебного следователя...

— Ладно, законник... Придрался, понимаешь ли. Это я вам так сказал, на всякий случай. А теперь ступайте немедленно в канцелярию, оформите все причитающиеся для поездки документы и получите командировочные. Ну что, желаю успеха, — посмотрел на подчиненного статский советник и протянул руку.

— Благодарю, — ответил Воловцов и пожал выставленную ладонь.

ГЛАВА 2

Казань-городок — Москвы уголок

Судебный следователь — это должностное лицо, состоящее при окружных судах. Чиновники — люди государственные, практически несменяемые (разве

что их могут уволить по особому распоряжению губернатора или отстранить от должности за серьезную провинность), процессуально независимые и подчиняющиеся исключительно высшим чинам Министерства юстиции и, конечно же, генерал-прокурору. Следствие и дознание они могли вести исключительно на территории округа окружного суда. Судебные следователи по особо важным делам имели право и были обязаны расследовать уголовные дела без привязки к местности или округам, то есть на территории всей Российской империи и без каких-либо ограничений. Разумеется, с разрешения или по прямому указанию на то генерал-прокурора. Выходило, что коллежский советник Иван Воловцов являлся фигурой общеимперского масштаба. Что находило отражение как в его личной самооценке, так и в оценке его окружающими лицами.

Прав у Ивана Федоровича, каковыми наделил его закон и «Устав уголовного судопроизводства» с обязательными к исполнению наставлениями исключительно служебного пользования (в том числе и генерал-прокурора), было хоть отбавляй. По своему усмотрению, имея на то основания, он мог возбуждать следственное производство и руководить сыскной деятельностью местной полиции, давая ей необходимые для проведения следствия поручения. И полиция была обязана подчиняться судебному следователю и исполнять полученные поручения и наказания неукоснительно. Более того, любой судебный следователь мог проверять, отменять и дополнять действия полиции по произведенному

ею первоначальному расследованию. Естественно, имея на то основания.

Опрос свидетелей и подозреваемых в полномочиях судебного следователя подразумевался сам собой, равно как и сбор доказательств, включая осмотры, освидетельствования, обыски и выемки вещественных доказательств. После чего — когда доказательства в виновности подозреваемого (или подозреваемых) в совершении преступления были неоспоримы — Иван Федорович был волен прекратить уголовное производство и передать дело в прокуратуру. Так он поступил не так давно с делом судебного следователя Московской судебной палаты Щелкунова.

Словом, судебный следователь по особо важным делам в чине коллежского советника, приехавший в губернскую Казань, обладал завидными правами и полномочиями. Плотная бумага в его внутреннем кармане, с гербом и печатью, подписанная самим генерал-прокурором и министром юстиции действительным тайным советником¹ Николаем Валериановичем Муравьевым, бывшим еще лет пятнадцать назад прокурором Московской судебной палаты, открывала перед ним любые двери, включая губернаторские.

Остановился Иван Федорович в бронированном для него заблаговременно номере лучшей гостиницы города — в «Hotel de Kazan П. В. Щетинкина»,

¹ Действительный тайный советник — в Табели о рангах это второй классный чин, соответствовавший армейскому генералу от инфантерии (пехоты).

которая размещалась в старинном вытянутом четырехэтажном здании, построенном в стиле позднего классицизма.

Передохнув малость с дороги и выпив в небольшом уютном ресторане чашечку крепкого кофе, Иван Федорович Воловцов облачился в парадный мундир (однобортный темно-зеленый полукафтан о девяти выпуклых матовых пуговицах с гербами, темно-зеленые брюки и треугольную шляпу с галунной петлицей), пешком добрался до Губернаторского дворца, находившегося в Казанском кремле.

Побывать у губернатора — это дань приличия вновь прибывшего в город чиновника с двумя просветами на погонах, а также служебная необходимость. Нанести же потом визит полицеймейстеру, руководству Судебной палаты и Департамента уголовных дел велели сам Бог и строгие должностные инструкции.

С визитов и начал свое пребывание в губернской Казани судебный следователь по особо важным делам коллежский советник Иван Федорович Воловцов.

* * *

«Казань-городок — Москвы уголок»... Именно так написал в своем дневнике Тарас Шевченко 13 сентября 1857 года. А он, в свою очередь, впервые эту поговорку услышал в 1847 году на почтовой станции в Симбирской губернии, когда препровождался на фельдъегере¹ в Оренбург. Сказал ее упитанный

¹ Имеется в виду тележка, запряженная лошадьми, на которой ездили фельдъегери.

симбирский степняк, рассказывая о великолепии Казани, после чего заключил свое повествование этой поговоркой. Возможно, что и не им придуманной.

Действительно, сходство Казани с Первопрестольной явствовало налицо: церкви с высоченными колокольнями; торцовые мостовые на линейно прямых улицах, отходящих от Кремлевского бугра; «падающая» башня казанской царицы Сююмбике, подобно единоутробной сестрице похожая на Сухаревскую башню; торговцы-разносчики с горячими сайками и калачами. Даже Кремль свой есть! Ну чем не Москва? Правда, в несколько уменьшенном виде, что ничуть не умаляет благоприятного впечатления от старинного города.

Такое же положительное впечатление осталось у Ивана Федоровича после посещения губернатора Полторацкого. Петр Алексеевич что-то обсуждал со своим вице, когда ему доложили о приезде Воловцова. Просидев всего-то минуты три в приемной, Иван Федорович был принят его превосходительством тайным советником¹ весьма благожелательно и учтиво (все-таки «московский» гость). Губернатор был уже в солидном возрасте, под шестьдесят лет, являлся воспитанником Пажеского корпуса и в числе родни имел двоюродную сестру неизвестную Анну Керн, значившуюся в «донжуанском списке» Александра Пушкина под номером восемь.

¹ Тайный советник — в Табели о рангах это третий классный чин, соответствовавший армейскому генерал-лейтенанту.

Губернатор был лысоват, имел пышные гренадерские усы, закрывающие полностью нижнюю часть щек, коротко стриженную бородку и страдал тяжелой одышкой. Посему при разговоре делал небольшие паузы, чтобы отдышаться.

После общих малозначащих фраз, приличествующих началу обстоятельного разговора, Петр Алексеевич поинтересовался у Воловцова, что привело его, столичного чиновника, в Казань. Спросив об этом, тайный советник в ожидании ответа пытливо глянул в глаза Воловцова (возможно, Полторацкий догадывался о своем скором смещении с должности губернатора и видел в Иване Федоровиче вестника приближающихся неприятностей).

— К сожалению, в Казань меня привели печальные обстоятельства, — ответил Иван Федорович. Лицо губернатора Полторацкого заметно напряглось. — В январе и феврале в вашем городе произошли три убийства, на первый взгляд ничем и никак не связанные друг с другом, но совершенные — как это следует из имеющихся обстоятельств — одним и тем же человеком. Почему это произошло? С какой целью? Кто в этом заинтересован? Вот вопросы, на которые следует непременно найти ответы. Этими обстоятельствами заинтересовался сам его высокопревосходительство генерал-прокурор Муравьев, и именно по распоряжению Николая Валериановича я нахожусь здесь, — так объявил цель своего визита в губернскую Казань коллежский советник Иван Воловцов.

— Мне, конечно, докладывали об этих трагических событиях, — покачал головой казанский губер-